

«Я Суриков, русский казак...»

По-казацки кованный

Василий Суриков родился в Красноярске, происходил из казачества и очень гордился этим. Став всемирно известным художником, академиком живописи, во время заграничных поездок он представлялся просто. Предельно просто: «Я Суриков, русский казак».

Конечно, слово «cossack» в девятнадцатом веке было в Европе на слуху – помнили здесь и о наполеоновских войнах, и о крымской, и о двух турецких - так что подобное представление вполне могло повергнуть европейца в трепет. Однако вряд ли живописец добивался такого эффекта – все современники, оставившие воспоминания о Василии Ивановиче, отмечали, что был он молчалив, «преподносить» себя не любил.

Почему бы ему тогда просто не представиться: «художник» или даже «академик живописи»? Может быть, потому, что в том европейском далеке одно это слово – казак – полностью вмещало в себя множество важнейших для Сурикова понятий: родную Сибирь, любимых брата и мать, живущих в Красноярске, а еще историю его рода и семьи? Славного и достойного рода Суриковых.

Не только в характере, но и во внешности Сурикова были подлинно казачьи черты, о чем писал поэт Максимилиан Волошин: "Скован он был крепко - по-северному, по-казацки. Лицо само разлагалось на широкие, четкие, хорошо определенные планы. Морщины глубокие, резкие, но не слишком заметные на плотной, свежей, сибирскими морозами дубленой коже..."

«Сшейте-ка Васе шинель...»

Род Суриковых ведет свою историю, очевидно, с Дона, где в Верхне-Ягирской и Кундрючинской станицах в начале двадцатого века еще жили казаки Суриковы. Известно, что когда Ермак отправился отвоевывать Сибирь у татарского хана Кучума, в его войске служил есаул по фамилии Суриков – предок художника. В 1622 году Суриковы упоминались как основатели Красноярска. Здесь в 1848-м и родился великий живописец.

Красноярск в детские годы Василия Сурикова был городом, который мало изменился по сравнению с былыми временами – на всем вокруг лежала печать «преданий старины». «До 1825 года Суриковы были простыми казаками, а потом в роду офицеры пошли - все сотники, десятники, - вспоминал Василий Иванович. - Помню, еще мальчиком, как войска идут - сейчас к окну. А внизу все мои сродственники идут - командирами: и отец, и дядя Марк Васильевич, и в окно мне грозят шутя. Дед мой Александр Степанович был полковым атаманом. Помню, он сказал раз: «Сшейте-ка Васе шинель, я его с собой на парад буду брать». Он из простых казаков подвигами своими выдвинулся. И как человек был простой... Во время парада баба на телеге на

поле заехала, не знает, куда деваться. А он ей: «Кума! Кума! Куда заехала?» Заботился о казаках, очень любили его».

Был еще у Васи дед - Василий Матвеевич, по прозвищу «Синий ус». Известно, что Василий Матвеевич занимался стихосложением. И были двое любимых дядей - отцовы братья. Один, по имени Марк, а другой, как и отец, Иван (тогда при крещении поп часто сам давал имя новорожденному, не спрашивая родных, и потому в семьях случалось по два Ивана). Дядя Иван Васильевич вернулся с Кавказа, полный восхищения Михаилом Лермонтовым, с которым там встретился. С тех пор дядя изучал творчество Лермонтова и с чувством читал маленькому Васе его стихи.

Марк Васильевич всегда был в курсе культурной жизни России, именно он рассказывал будущему живописцу, например, что из Рима вернулась картина Иванова «Явление Христа народу» или что в Питере освятили Исаакиевский собор; он показывал Васе снимки ассирийских памятников, которые приводили мальчика в восторг.

В материнском роду казаки Торгошины держали извоз, водили огромные табуны коней. Прасковья Федоровна Торгошина — мать будущего художника — грамоте обучена не была, но обладала живым умом, была подлинной рукодельницей - придумывала узоры для вышивки ковров и шалей, умела вязать кружева, была рачительной хозяйкой. Василий Суриков вспоминал, что в материнском сундуке хранились пестрые сарафаны, расшитые шугай, узорчатые дорогие шали, парчовые повойники и другие предметы казачьего быта. А в подполье дома, как реликвия, хранилась казачья «справа» екатерининского времени. Там же сберегались старинные седла, ружья, пистолы, ятаганы и шашки.

В.И. Суриков в костюме Степана Разина

Не меньшее влияние, чем семейные традиции, оказала на Василия Сурикова величественная сибирская природа. «Сибирь под Енисеем... - страна полная большой и своеобразной красоты, - писал художник, - На сотни верст - девственный бор тайги с диким зверьем. Таинственные тропинки выются тайгой десятками верст и вдруг приводят куда-нибудь в болотную трясику или же уходят в дебри скалистых гор. Изредка попадает несущийся с гор бурный поток, а ближе к Енисею то по одному берегу, а то и по обоим - убегающие в синюю даль богатые поемные луга с пасущимися табунами...»

Детские впечатления в жизни любого человека - самые яркие, самые сильные. Особенно для такой тонкой художественной натуры, каким и был Вася Суриков. Много из того, что он видел в детстве, потом поможет ему стать одним из лучших выразителей казачьего духа и характера. Именно в детские годы Суриков впервые услышал казачьи предания и песни о походе Ермака Тимофеевича Аленина. Для семьи Суриковых эти предания не выглядели чем-то отвлеченным, ведь поход казачьей дружины за Каменный пояс был частью их семейной истории – то есть истории, не

прочитанной в книжках, а «переданной по наследству». Именно это ощущение личной причастности к истории народа и позволило Сурикову стать непревзойденным мастером «исторической живописи».

Живописная энциклопедия

Своего «Ермака» Суриков начал писать зимой 1891 года. Лето следующего года он проводит в Тобольске, где писал этюды Иртыша, типажи местных жителей. В поисках материалов для картины Суриков посетил Минусинский округ, где познакомился с этнографическим музеем, созданным краеведом Николаем Михайловичем Мартыновым. Вернувшись в Москву, Суриков с дотошностью историка изучает «Кунгурскую летопись» и историю донских казаков, о чем пишет в письме брату: «Мы, сибирские казаки, приходим от них; потом уральские и гребенские. Читаю, а душа так и радуется, что мы с тобою роду хорошего». Очевидно, именно эта мысль о преемственности казачьей истории и подтолкнула Сурикова к путешествию на Дон, которое он предпринял летом 1893 года. «Мы проживаем теперь, - писал Суриков брату, - в станице Раздорской - на Дону. Тут я думаю найти некоторые лица для картины. Отсюда, говорят, вышел Ермак и пошел на Волгу и Сибирь... Написал два лица казачьи, очень характерные, и лодку большую казачью. Завтра будет войсковой станичный круг. Посмотрю там, что пригодится».

Суриков В. И. Покорение Сибири Ермаком

«Хотелось передать, как две стихии встречаются», говорил Суриков про свою картину. И действительно, на масштабном полотне художник запечатлел два исполинских войска, разделенных водами Иртыша – подплывающих на стругах дружинников Ермака и вооруженную копьями и стрелами пеструю орду Чучума, зажатую между крутым обрывом берега и накатывающейся в пороховом дыму казачьей флотилией. Исследователь творчества Сурикова Владимир Кеменов отмечает: «Ермак более всех казаков похож на древнерусского былинного витязя. От всей его фигуры веет силой и простотой, присущими героям русского богатырского эпоса... Строгость витязя – отличительная черта облика Ермака. На нем гладкий свет-

лый шлем; панцырь, надетый поверх кольчуги, также прост – восьмиугольная пластина на груди и две по бокам».

«Покорение Сибири Ермаком» - живописное полотно, которое без преувеличения можно назвать «казачьей энциклопедией». Его созданию предшествовала серьезнейшая исследовательская работа, художник до малейших деталей изучает предметы амуниции, оружия и «справы» казаков, подчеркивает характерные черты их внешности и поведения.

Другим воплощением многоликого казачьего духа стала картина «Степан Разин», работать над которой Суриков начал в 1901 году. Покоритель отдаленных земель, бесстрашный воин и блестящий военачальник, Ермак Аленин выглядит полной противоположностью атаману Степану Разину, ставшему вождем антиправительственного восстания. Трудно, казалось бы, найти общие черты в судьбах этих двух выдающихся казаков, один из которых погиб во время боевого похода, а второй сложил голову на плахе. Тем не менее, образы Ермака и Разина – это два «полюса», между которыми и заключена историческая судьба российского казачества. Работа над этой картиной шла трудно, несколько раз художник прерывал работу и возвращался к ней снова. Если первоначально Суриков задумывал изобразить сцену, известную по народной песне – Разин с персидской княжней, - то позднее он принимает решение отказаться от пафосной мелодраматичности. Образ Разина, который полулежит на персидском ковре возле мачты атаманского челна, воплощает могучую волю, твердость и одновременно – необузданный порыв, размах и стихию, скрытые за внешним спокойствием. Сам Василий Суриков не был удовлетворен созданным полотном, и незадолго до смерти художник признавался: «Стрельцов», «Меншикова» и «Морозову» - не мог не написать; «Снежный городок» и «Ермака» смог написать; «Суворова» мог не писать; «Стеньку» так и не смог...»

Музей-усадьба В.И. Сурикова в Красноярске

Творчество Василия Сурикова давно стало классикой русского реализма. С одной стороны, художник заслужил почет и уважение потомков. Но «хрестоматийный глянец» сегодня порой мешает нам понять, каким смелым, по-настоящему новаторским и порой ошеломительным для современников было творчество великого сибиряка. История России, увиденная глазами Василия Сурикова, - это «живая жизнь» с ее страстями, конфликтами, подвигами и предательствами, славой и бесславием. И живет в картинах Сурикова подлинное российское казачество, олицетворенное Степаном Разиным и Ермаком Алениным.